DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.01.010 УДК 763+76.03/.09

ОБРАЗ И ЛИЧНОСТЬ. ЧЕЛОВЕК В СТАНКОВОЙ ГРАФИКЕ НАТАЛЬИ БАКАНОВОЙ-ВЕЙБЕРТ

Королева Анастасия Юрьевна
Кандидат искусствоведения, доцент,
научный сотрудник Российской
академии живописи, ваяния и зодчества
Ильи Глазунова.
Россия, г. Москва.
korolevaanastasia@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается биография и творчество нашей современницы, художницы Н.Л. Бакановой (в девичестве Вейберт), имеющей немецкое происхождение и прекрасное образование в лучших традициях русско-советской художественной школы. Произведения графики художницы – как наиболее субъективного вида искусства – максимально ярко демонстрируют то, как в процессе творчества проявляется сама личность автора. Основной темой статьи, таким образом, стал не столько феномен изображения человека, сколько феномен отражения человека в его собственном творчестве.

Ключевые слова: Наталья Львовна Баканова-Вейберт, русские немцы, графика, офорт, чернила каракатицы, образ человека, портрет.

Библиографическое описание для цитирования:
Королева А.Ю. Образ и личность. Человек в станковой графике Натальи Бакановой-Вейберт // Искусство Евразии. – 2019. – № 1(12). – С. 128-138. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.01.010. [Электронный ресурс] URL: https://readymag.com/u50070366/1329235/19/

Тема «феномен человека в станковой графике» сама по себе диктует прямое прочтение – портрет, однако в процессе разработки раскрывается ее более широкое значение. Именно произведения графики как наиболее субъективного вида искусства максимально ярко демонстрируют нам то, как в процессе творчества проявляется сама личность автора. Примером тому служит творчество Натальи Львовны Бакановой.

Будущая художница родилась и воспитывалась в семье русских немцев, где в условиях изоляции от этнической родины вдвойне бережно сохраняли родной язык, историю рода и глубоко чтили национальную культуру. Основатель рода приехал в Россию в 1872 г., служил секретарем у известного на Урале купца Агафурова, чью переписку вел на нескольких иностранных языках [5]. Дед Натальи Львовны, оказавшись на службе в армии, сначала царской, затем Красной, как хорошо образованный человек занимал в ней должность библиотекаря. Прадед по линии бабушки был призван царским правительством инженером на артиллерийский

Путиловский завод в Санкт-Петербурге. Его дочь преподавала музыку, в то время как отец работал в Сибири и на Алтае. Случайно познакомившись на одной из железнодорожных станций с Паулем Вейбертом, Елизавета Фосс не расставалась с ним уже на протяжении всей жизни.

Репрессии представителей немецкой нации начались уже в 1930-е годы и естественно усилились с началом Великой Отечественной войны. Принадлежность к репрессированному народу быстро стала одной из черт самоидентификации российских немцев. А стремление слиться с местным населением породило прямо противоположный результат: дома, в своем кругу особенно бережно сохранялись германские традиции и обычаи, многие из которых были уже давно утрачены на исторической родине. Отец художницы, впоследствии известнейший уральский график Лев Вейберт, семнадцати лет попал в колонию Богословска (Карпинска), где благодаря своим способностям смог получить должность помощника художника. А в 1948 году после дозволения лицам немецкой национальности поступать в учебные заведения отправился в Свердловск и окончил художественное училище им. И.Д. Шадра. Здесь он встретил свою судьбу – будущую жену Надежду Никулину, на долю которой также выпала нелегкая ноша – жизнь в условиях сурового климата северного Урала, куда молодая семья отправилась «на вечное поселение». Несмотря на комендантский надзор четверо детей росли в атмосфере любви и заботы. В семье, где все умели делать своими руками, тяжесть быта почти не ощущалась детьми. А тепло родительского дома на многие годы вперед определило характер работ будущей художницы, росшей в уникальной обстановке: ее отец собственноручно сделал и установил на чердаке своего дома печатный станок, так что любовь к печатной графике у дочери возникла с малых лет. Подолгу наблюдая за магией травления офортов и акватинты, за точностью резцовой линии, за творческими диалогами родителей, юная Наташа сама понемногу приобщалась к искусству. Становлению личности во многом способствовал и круг общения родителей, в гости к которым в разные годы наведывались Михаил Дистергефт, Геннадий Райшев, Виталий Волович, Михаил Брусиловский и другие. Ее духовный мир складывался в доинтернет-эпоху в условиях весьма ограниченного информационного поля, когда каждая прочитанная книга, услышанное от страстно любившей поэзию матери стихотворение или музыкальное произведение из радиоприемника становилось поводом для мощной рефлексии. Образование и круг интересов будущей художницы никак нельзя было бы назвать ограниченными, хотя важно отметить, что именно немецкие музыка и литература во многом определили ее дальнейшее развитие [3; 4].

Как и отец, Наталья Баканова окончила Свердловское художественное училище. Своим творчеством она бессознательно демонстрирует генетическую память о своем происхождении, стойко живущую в ее искусстве. Ее проявления легко улавливаешь повсюду. Интерес к ней очевиден и в портретах корифеев германской литературы и музыки, ею до предела пропитан образный строй рисунков и офортов художницы. Глядя на них, то и дело отмечаешь: вот это лицо видел у Дюрера, здесь линия такая же нервная и тонкая, как в листах Гольбейна, а этот офорт с изображением матери и ребенка таит в себе нечто гофманское. Тонкий трепетный штрих иглы усиливает волнующее чувство сопричастности к области высокодуховных проявлений, столь любимых германскими романтиками и экспрессионистами. Порой даже начинает

казаться, что образы возникают спонтанно, непредумышленно, словно сами по себе рождаясь из одухотворенной жизненной стихии, хотя за каждым стилистическим оборотом скрываются прекрасная школа искусства советской графики, долгий труд, упорная тренировка и, наконец, уверенный навык профессионала.

Но дело тут, конечно, не в следовании образцам. Мечтательные интонации офортов художницы неслучайны [1; 2]. В них она вновь и вновь, с пытливой настойчивостью Эдипа, вопрошающего загадочного сфинкса, обращается к миру детства, память о котором прочно владеет ее сознанием. Того мира, где будущее манит обещаниями сказочных чудес, а настоящее словно скрывает в себе неразгаданную тайну. Поэтому порой так многозначительно серьезны случайные бытовые сценки, и так вдумчивы лица. Обжитые интерьеры манят выходами в глубину, на свет, вдаль из уютных домашних покоев, населенных главным образом детьми и преимущественно – играющими или сосредоточенно о чем-то размышляющими. Этот мир населен феями и домашними игрушками, ожидание чуда соединилось в нем с особенным, только детству присущим ощущением прочности и неизменности надежно обустроенного бытия. И полновластные хозяева этого заколдованного царства – по-взрослому серьезные дети.

Сюита ранних листов – зарисовок, связанных с детством, – составляет «золотой фонд» художницы. Калейдоскопическое разнообразие случайных и на первый взгляд сюжетно не связанных друг с другом сценок уподобляет их некоей мозаике памяти, из разнообразных жизненных кусочков складывающей волнующие картины воспоминания. Кажущаяся очевидной традиционная женская тема, передающая поэзию домашнего быта, как, например, у Зинаиды Серебряковой, вряд ли здесь уместна. В нашем случае – это не собственно детская тема. Офорты Натальи Бакановой – это скорее мир, увиденный глазами ребенка. За счет слома классической системы реалистического искусства, строящей со времен Ренессанса изображение видимого мира на основе законов линейной перспективы, формируется новое разъединяющее видение мира, свойственное детскому восприятию. В листе «Ощущение времени» (рис. 1) главной темой становится сцена разорения ящика с игрушками, полностью завладевшего сознанием детей. Ощущение времени и пространства отступает на второй план, искаженная перспектива лестницы ведет в неизведанное, волшебство разворачивается прямо на глазах. Благодаря этому приему, художнику удается избежать опасности той слащавой сентиментальности, которая так свойственна, например, детской теме в искусстве XIX столетия, и создать ощущение подлинного перекраивания мира.

Возможная зависимость от культурных архетипов, особенно ожидаемая в связи с творчеством Бакановой, в особенности в связи с ее более поздними опытами, отсылающими к классическому германскому прошлому, и здесь также преломляется неожиданным образом. Сравнение с интерьерными изображениями в культурной традиции – бытовой жанр в голландской живописи XVII века, школа Венецианова и, конечно же, немецкий бидермайер – особенно напрашивается в листе «Раннее утро» (рис. 2), где, казалось бы, главная тема – вещность интерьера, привлекающая ребенка, вступившего на путь поиска «сокровищ» в бабушкином сундуке, – контрастирует с манящей далью внешнего мира, будущим, прекрасным и неизведанным, обещающим встречу с чудом.

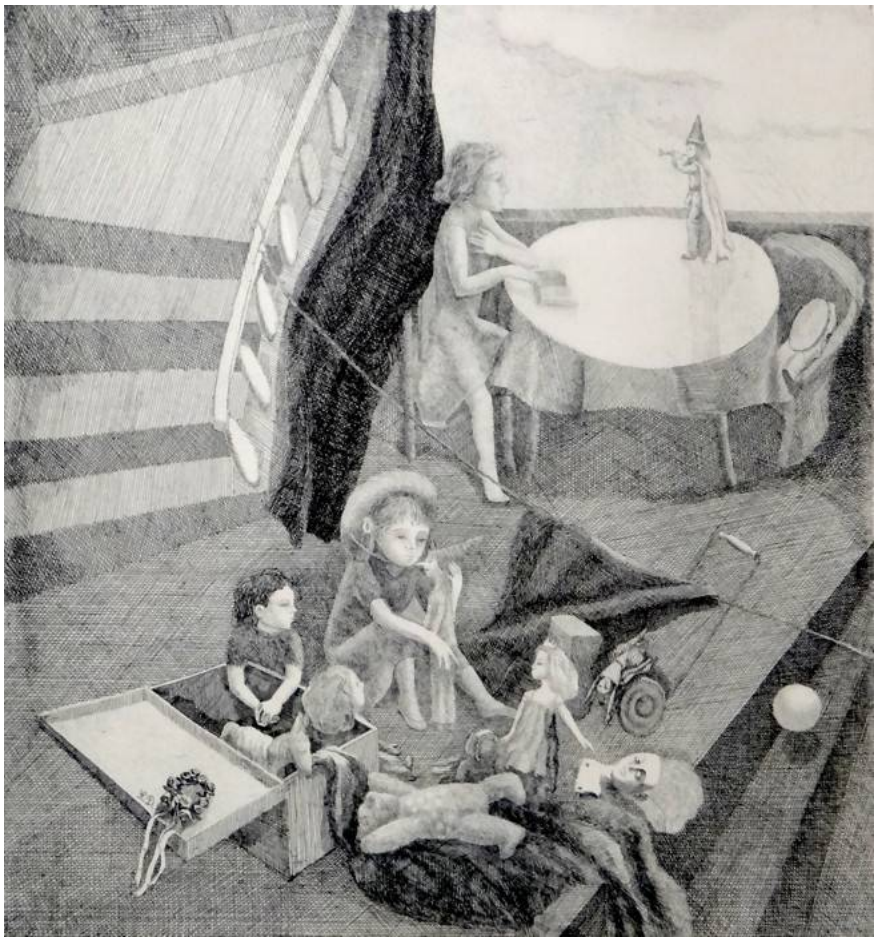

Рис. 1. Ощущение времени. 1979 г. Офорт. 42,5 х 39,5.

Рис. 2. Н.Л. Баканова. Раннее утро. 1987 г. Автолитография. 39,5 х 40.

Безупречное владение техникой, тонкая игра нюансированных тонов, изящество штриха, красота линейных ритмов в листе «Родительский дом» (рис. 3) вызывают в памяти историю зарождения печатной графики, не в последнюю очередь обязанной германской нации, и создают поэтическое ощущение домашнего уюта, тонко прочувствованного ребенком.

Рис. 3. Н.Л. Баканова. Родительский дом. 1987 г. Автолитография. 46,5 х 37.

В совершенно иную атмосферу веселого праздника нас переносит лист «Новый год» (рис. 4), демонстрирующий специфически гофманское переживание темы. Самодельные костюмы и подарки, детская радость праздника навсегда врезались в память художницы, показавшей совершенно детское умение – видеть поэтическое в мелочах, тех деталях, которыми наполнен лист.

Рис. 4. Н.Л. Баканова. Новый год. 1987 г. Офорт. 41,5 х 39,5.

Мечтательно-созерцательные настроение «Серебряной ночи» (рис. 5) также есть суть выражения определенного эмоционального состояния, состояния переживания «музыки сфер», рождающейся под звездным небом. Но это не вечная музыка космоса – это наивная музыка, льющаяся из самодельной дудочки, по которой бегают детские пальчики. Это тема открытия мира и рождения искусства, словно концентрирующая в себе эликсир романтической мысли, так сильно повлиявшей на формирование мировоззрения художницы.

Рис. 5. Н.Л. Баканова. Серебряная ночь. 1992 г. Автолитография. 39 х 40.

Рис. 6. Н.Л. Баканова. Ноктюрн. 1990 г. Автолитография. 41 х 48,5.

Ее квинтэссенцией является «Ноктюрн» (рис. 6), олицетворяющий главную романтическую стихию таинственной ночи. Образ матери с младенцем, защищающей дитя от химерических страхов в мире хтонических сил.

Другое дело – портреты немецких писателей и музыкантов, выполненные в редкой изобразительной технике – рисунке чернилами кальмара. Иконография Гете, Моцарта, Баха прекрасно изучена и как будто бы не таит сюрпризов. Глядя на эти рисунки, мы сразу узнаем хорошо знакомые лица героев. Однако тонкая игра оттенков тона, неуловимая вибрация линии создают ощущение изменчивости выражений хорошо знакомого лица, принимающего различные эмоциональные оттенки. И вот происходит чудо – в их волшебной игре оно как будто оживает, и внезапно открываешь для себя что-то новое в издавна памятных ликах олимпийцев, а потом и в их возвышенном искусстве. Наше воображение следует тонкими тропинками ассоциаций, рождаются новые мыслительные ходы.

Рис. 7. Н.Л. Баканова. Рихард Вагнер. 1998 г. Тушь, перо. 60 х 83.

Рис. 8. Н.Л. Баканова. Людвиг ван Бетховен. 1998 г. Тушь, перо. 60 х 83.

Рис. 9. Н.Л. Баканова. Вольфганг Амадей Моцарт. 1998 г. Тушь, перо. 60 х 83.

Рис. 10. Н.Л. Баканова. Иоганн Себастьян Бах. 1998 г. Тушь, перо. 60 х 83.

Рис. 11. Н.Л. Баканова. Бертольд Брехт. 1998 г. Тушь, перо. 60 х 83.

Рис. 12. Н.Л. Баканова. Герман Гессе. 1998 г. Тушь, перо. 60 х 83.

Рис. 13. Н.Л. Баканова. Эдит Пиаф. 1998 г. Тушь, перо. 60 х 83.

Положенные рядом некоторые из них складываются в контрастные пары. Рядом с по-гетевски основательным Вагнером (рис. 7), чей образ трактуется с помощью основательной светотеневой моделировки, зыбкие штрихи и плывущие пятна тени воссоздают на наших глазах трагический образ гения Бетховена (рис. 8). Роднит их лишь одно – неизменно одухотворенный взгляд большого художника. Прекрасное чувство архитектоники листа демонстрируют «портрет» Моцарта (рис. 9), словно склонившегося в диагонали листа, и уверенно посаженный тяжеловесный бюст Баха (рис. 10). В этих изображениях классики предстают перед зрителем такими, какими мы их знаем, в первую очередь, благодаря их творчеству, и ожидаем увидеть. В этой связи

особенно уместными видятся изображения Брехта и Гессе (рис. 11 и 12), в стилистике представления которых словно оживает нервная линия экспрессионистической графики Эрнста Кирхнера. Или необыкновенная зыбкость тонкой линии, создающей гимн чувственности, воспетой в серии изображающих Эдит Пиаф рисунков (рис. 13), отразивший неразрешимый конфликт предельного напряжения душевных сил и экзальтации чувств, обнажающих струны нервов великого творца.

Литература

1. Вейберт Н. Рисунок на песке. – Екатеринбург, 2003.
2. Вейберт Н. Синий колокол. – Екатеринбург, 2000.
3. Тысяча картин под солнцем и луной. Антология творчества художников – российских немцев. – М., 2016.
4. Якимович А.К. Дебюты. Молодые художники восьмидесятых. – М., 1990.
5. 1300 биографий. Иллюстрированная художественная энциклопедия. Художники Московской области. – М., 2002.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019 г.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.01.010

AN IMAGE AND A PERSONALITY. A MAN IN THE GRAPHICS OF NATALY BAKANOWA-WEIBERT

Koroleva Anastasia Yuryevna
PhD in art history, associate professor, research associate, The Russian academy of painting, sculpturing and architecture of Ilya Glazunov.
Russia, Moscow.
korolevaanastasia@rambler.ru

Abstract

The article deals with the biography and art of Russian-German now-living women-artist Nataly Bakanowa-Weibert, who presents the best tradition of Russian-soviet graphic education. Her engravings and sepia-ink drawings, as the most subjective art, shows us, how in the process of creation appears the personality of an author. The main theme of the article is not only the phenomenon of men-image, also the reflection-phenomenon the author in his art.

Keywords: Nataly Bakanowa-Weibert, Russian-German, engraving, graphics, sepia-ink, drawing, men-image, portrait.

Bibliographic description for citation:

Koroleva A.Yu. An image and a personality. A man in the graphics of Nataly Bakanowa-Weibert. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2019, № 1(12), pp. 128-138. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.01.010. Available at: https://readymag.com/u50070366/1329235/19/ (In Russian).

References

1. Weibert N. *Risunok na peske* [Drawing on the sand]. Ekaterinburg, 2003.

2. Weibert N. *Sinii kolokol* [Blue bell]. Ekaterinburg, 2003.

3. *Tysyacha kartin pod solntsem i lunoi. Antologiya tvorchestva khudozhnikov – rossiiskikh nemtsev* [Thousands of paintings under the sun and moon. An anthology of the art of artists – Russian Germans]. Moscow, 2016.

4. Yakimovich A.K. Debyuty. Molodye khudozhniki vos'midesyatykh [Debuts. Young artists of the eighties]. Moscow, 1990.

5. *1300 biografii. Illyustrirovannaya khudozhestvennaya entsiklopediya. Khudozhniki Moskovskoi oblasti* [1300 biographies. Illustrated art encyclopedia. Artists of the Moscow region]. Moscow, 2002.

Received: February 01, 2019.